

Как извлечь нечто из ничего

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит нервничала, но уже хорошо научилась прятать свои эмоции внутри себя, особенно при разговоре с другими ханами. Она ожидала, что они скептически отнесутся к идее Садхира-джи привлечь отряд кобр, и еще более скептически воспримут новость о том, что один из шакалов принес неутешительные новости. Разговор с отцом лишь укрепил ее в мысли, что ей нельзя выходить замуж. Это было против правил монгольских кочевников. Даже во имя мира и союза никто не мог заставить ее сделать это. Алахчит была согласна на подобное только лишь для того, чтобы корзины, где будут прятаться кобры, оказались в доме жениха и других боевых командиров.

Она смотрела, как собираются ханы и шаманы в ее гэре, и где сразу стало кучно и немного душно, так что даже приоткрыли дверь и откинули кошму, закрывающей вытяжное отверстие в потолке. Логичнее было бы собраться вокруг костра, как делалось по традициям, но там их могли подслушать, а этого Алахчит хотелось бы избежать. Вокруг гэра выставили охрану. С огромным трудом ей удалось убедить ханов, что принцу Королевских Кобр есть им что предложить, так что ему разрешили присутствовать на совете, пусть и не все восприняли это с энтузиазмом.

Вначале она решила еще раз обсудить видение шаманов, но никакого результата это не дало - кто-то согласился, что имеет смысл трактовать это по-новому, кто-то упрямо стоял на своем, так что волю духов Алахчит решила оставить самим шаманам и их совести, она не могла здесь никак повлиять на них.

- У меня есть еще что обсудить с вами, - сообщила она. - После свадьбы шакалы предадут заключенный с ними союз и продадут лис в рабство человеку по фамилии Асака.

Яшви Садхир

Яшви сидела на некотором расстоянии от Алахчит, но с гораздо большим бы удовольствием предпочла оказаться где-нибудь не здесь, а подальше. Она переживала об исходе разговора, потому что сейчас решалась судьба предстоящего фальшивого союза. Решение будет приниматься коллективно, и если ханы решат, что Алахчит всего лишь пытается трусливо избежать навязанного ей замужества, прикрываясь клеветой, ей придется подчиниться. Даже если это нарушит все законы. Но Яшви хотелось верить, что до этого не дойдет. Однако надежда таяла по мере того, как разговор о видении остался на тех же самых позициях, что и утром. Часть поддерживала, часть воздерживалась, часть отрицала.

А вот новость о предстоящем предательстве вызвала куда больше шума и обсуждений.

- Это серьезное заявление, - сказал что-то из ханов, но Яшви за другими не увидела говорившего. Хотя ей показалось пренебрежение в словах. - Это тоже входит в новое трактование видения вашей удган?

Яшви захотелось откусить кому-нибудь голову. Желательно тому, кто это сказал, но она сдержалась, чтобы не подпитывать огонь соперничества между лисами еще больше, когда они так отчаянно нуждались в том, чтобы объединиться.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Для Сонгцэна было честью, что лисы согласились позвать его на совет, хотя для большинства он был чужаком. На него поглядывали недоверчиво, но он молчал, пока не настала его очередь говорить. И при этом молчание не мешало ему слушать то, что обсуждалось в гэре. Он уже привык к тому, что лисы ворчали чуть больше, чем на самом деле считали нужным. Что они настороженно относились к чужакам и были гордыми.

Сейчас Сонгцэн считал самым важным то, чтобы они поняли реальность опасности. Тогда можно было обсуждать стратегию противостояния шакалам. Ему было что предложить, но упрямые ханы лис могли от этой помощи отказаться, потому что считали, что гордость важнее жизни. Он знал, какие аргументы привести, и подробнейшим образом продумал тактику сражения, которая давала шанс победить при численном преимуществе у шакалов. Но это все пригодится лишь в том случае, если ему дадут слово, и если до этого Алахчит и Яшви скажут все, что узнали сами. И при этом их услышат и им поверят.

Сонгцэн ловил недоверчивые взгляды ханов и шаманов, но они его не задевали. Его уже пустили на этот совет, и это многое значило.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит заметила, как ее удган дернулась в ответ на колкость от одного из ханов, но сдержалась, хотя ей самой тоже жуть как хотела вернуть колкость ее автору, да подцепить посильнее, показать острые зубки. Она не имела на это права, не сейчас, нельзя разжигать спор, когда кланы стоят на пороге кровопролитной войны. Берке хаан может сколько угодно зубоскалит, когда шакалы перейдут от обещаний мира к действиям, не уцелеет никто.

- Эта информация мне известна от одного из шакалов, - ответила Алахчит и, прежде чем успела настать буря от этого заявления, продолжила, не давая остальным возможности возмутиться, что она якшается с одним из падальщиков. - Их командиры разрознены и готовы рвать друг друга за лучшее место, а часть не поддерживает Угэдэя. У меня есть все основания верить словам юного шакала - они только подтвердили то, что рассказали духи. Вы можете отрицать это, почтенный Дорджсурен, но правда от этого не поменяется. Нас не ждет ничего хорошего от союза с Угэдэем.

- Алахчит хатан надеется избежать замужества, которое принесет нам всем мир, - с насмешкой в голосе заметил Берке. - Союз с Угэдэем сделает нас сильнее. Джагатай дал слово, что шакалы не нарушат перемирия.

Яшви Садхир

Яшви затаила дыхание, когда Алахчит рассказала о молодом шакале. В гэре сразу

поднялось волнение, которое ей лишь временно удалось остановить, потому как стоило ей замолчать, как присутствующие зашумели, и Яшви была уверена, что несколько раз услышала слово "предатель", выплюнутое презрительно, сквозь зубы.

- Джагатай хаан, которого мы все признали Великим Ханом, заставил нас встать на колени, - Яшви не утерпела, вступила в разговор. - Ни одна лиса так не поступит со своим народом. Все боо видели реки крови, которые затопили землю. Шакалы чувствуют себя хозяевами, их командиры не боятся нарушать законы, Угэдэй закрывает на это глаза, а Великий Хан лишь трусливо поддакивает и кивает ему в ответ.

- Удган слишком молода, чтобы разбираться в политике, - прокрипел один из древних ханов, наверняка еще древнее чем Дорджурена. Яшви не смогла вспомнить его имени, потому что не пересекалась с ним раньше. По-видимому, старик почти не покидал своего гэра, а путь от Тариата проделал в повозке. - Мальчишка-шакал всего лишь сеет смуту.

- У меня больше оснований верить мальчишке-шакалу, - ответила Яшви. - Бектернойон, с которым бился на поединке мой супруг, принц Сонгцэн Садхир из клана Королевских Кобр, хотел взять меня силой, угрожая моему младшему брату и обещая убить его, если я не соглашусь. И это не единственный случай. Командиры шакалов берут то, что хотят. Вы этого хотите своим дочерям и женам?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн продолжал молчать и слушать. Он видел, как завелись Яшви и Алахчит, но у них здесь было больше поводов говорить, чем у него. Он должен был слушать и ждать, не забывая, что лисы и так нарушили свои традиции, пустив его на этот совет.

Он верил молодому шакалу. У него была гарантия для этого доверия - мать шакала сможет уехать в Непал. Если парень предаст лис, он будет сильно переживать за то, что с ней станет. Хоят Сонгцэн сомневался, что Кобры устроят кровавую расправу, оставят в служанках и не дадут слухам расползаться. Кобры не стремились к славе отморозков, им было выгоднее считаться гуманным цивилизованным кланом, с которым можно договориться, и который очень не хочет применять силовые меры.

Сонгцэн смотрел и слушал. На совет он показательно пришел в мундире своего клана: он не пытался прикинуться лисой, он хотел говорить от лица кобр, которые могли помочь, если лисы эту помощь примут.

Алахчит Алтан Борджигин

Хотела бы Алахчит посмотреть на Берке хаана, если бы его выдавали замуж за шакальего сына, как он бы здесь гарцевал за союз и перемирие. Или его собственную дочь, но, насколько Алахчит знала, у него был только сын, который проявлял минимум интереса к управлению кланом.

Яшви-удган все же не сдержалась и выступила, но Алахчит не стала ее прерывать. Она нашла правильные слова - лисы зароптали, приняв ту мысль, что командиры шакалов не остановятся на женщинах своего клана и вскоре переметнутся на землю

неизведанную - молодых лисиц. Уже пытались переметнуться, спасибо Садхиру-джи, что пресек это омерзительное действо.

- Допустим, - раздался голос еще одного хана, помоложе, из клана лис из южного Ноёна, что прятался за песчаными дюнами Гоби-Гурван-Сайхана, - допустим, мальчик говорил правду. Что он попросил взамен этой информации?

- Его мать в числе других женщин пострадала от Бектер-нойона. Он попросил увезти ее в безопасное место и пообещал вступить в бой на нашей стороне, - Алахчит полагала, что только настоящий нелюдь может поставить на кон жизнь своей матери, чтобы, как выразились некоторые, посеять смуту. Потому что если его предательство раскроется, она окажется на пусти мести первой.

- Одна сабля и...сколько у вас воинов, Алахчит хатун? Тридцать? Двадцать? - насмешливо уточнил Берке. - Против полутора тысяч? Да вы живете миражами.

- Да. У меня двадцать один воин, включая принца Сонгцэна Садхира. Двадцать два, если считать шакала. Пятьсот, если посчитать всех лис. И пятьсот пятнадцать, если мы дадим согласие Садхиру-джи привезти в Дадат свой отряд Королевских Кобр, - она взглянула на принца и слегка ему кивнула.

Яшви Садхир

Яшви снова замолчала, но ей показалось, что она заставила остальных хоть немного задуматься над тем, на что они соглашаются. Яшви, по сути, применила то же самое оружие, что и шакал использовал против нее - она воззвала к родственным узам, которые были всегда очень сильны у лис. Поэтому их старики доживали свой век с почетом, в уюте и окружении родных и любимых, а не уходили умирать в степь, подобно изможденной собаке. Поэтому их детей холили и лелеяли, баловали и любили всем сердцем, и неважно, чье это было дитя. Свое ли собственное, или дитя из клана рысей. А то и вовсе без клана, из маленькой и бедной деревеньки в Непале.

Алахчит продолжала разговаривать с ханами. Яшви видела недоверие на лицах одних и задумчивость у других. Ей казалось, что все может получиться. Даже если кто-то из ханов не согласится участвовать, решение будет приниматься голосованием, а, значит, есть шанс, что большинство окажется на их стороне.

Особенно если Сонгцэн распишет ту стратегию, которую успел тщательное обдумать. пятнадцать воинов по сравнению с полутора тысячами - это капля в озере, но иногда одной капли бывает достаточно, чтобы отравить всю воду.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн понял, что дождался момента, когда ему дают слово. Ему нужно было взвесить каждое слово, чтобы его сейчас услышали. Второго шанса ему не дадут.

- Благодарю Алахчит-хатун за возможность говорить перед вами, - произнес Сонгцэн и кивнул подруге Яшви. - Мой интерес здесь только один: Яшви-угдан предана своему клану и не уедет отсюда, пока лисы не окажутся в безопасности. А я, как её муж, не уеду отсюда без неё. Но я понимаю, что триста лис против полутора тысяч

шакалов - плохой расклад. Хотя даже в этом случае мой меч на стороне лис.

Он говорил искренне. И понимал, что вряд ли большинство ханов лис желали смерти своим людям. Как и он сам надеялся, что они с Яшви выживут.

- Я могу предложить не так много. Я - принц клана Королевских Кобр, но мой личный отряд - пятнадцать человек, и это максимум, что я сейчас могу просить у своего отца. Но и этого может быть достаточно, чтобы победить, - сказал Сонгцэн. - Мой клан может прислать свадебные дары в корзинах, на дне каждой из которых может поместиться кобра. Эти дары оставят на ночь в доме жениха, и пятнадцать змей смогут отравить пятнадцать командиров шакалов. После этого те шакалы, которые не согласны со своим ханом, могут поднять восстание. Если лисы при этом окружают поседение шакалов и передадут кобрам их оружие, мы сможем окружить противника. Если лисы согласны принять эту помощь, я завтра отправлю письмо отцу. Если оно уйдет в Непал позже - мы опоздаем.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит чувствовала, что своим единоличным решением позволить принцу говорить именно сейчас заработала неодобрение нескольких ханов, в основном тех, которые придерживались старых и отживших свое традиций. В них женщина не могла быть ханом, она могла быть всего лишь хатун - матерью, женой, дочерью или сестрой хана. Ни одна из этих позиций Алахчит не устраивала. И в этих традициях чужаков не допускали на совет. Но все же большая часть лис согласилась выслушать принца Сонгцэна и его предложение.

- Это самоубийство, - прокомментировал кто-то из ханов, несколько шаманов поддакнули, в гэре снова стало шумно, потому что каждый старался высказать свое мнение.

- Не в большей степени, чем соглашаться на условия шакалов и добровольно передать кланы лис в их руки. Я предпочитаю умереть свободной лисой, а не рабом покоренным, - Алахчит вскинула подбородок с таким вызовом, что сами небеса бы не утерпели и бросили ей вызов. Она надеялась воззвать к гордости лис, для которых свобода была одной из важнейших вех жизни. Этот некогда огромный народ никогда никому не подчинялся и завоевывал всех на своем пути, а сейчас это кучка жалких трусов.

- Мальчишка шакал запудрил ей мозги, - снова высказался Берке. - Наверняка только и ждет, что вы вступите в бой, а сам подсуется, чтобы занять место одного из погибших командиров и присоединиться к резне. Не на вашей стороне.

Яшви Садхир

План, изложенный Сонгцэном, казался ей удачным. Да, преимущество все равно не будет на их стороне, но сыграет эффект неожиданности, ведь в день свадьбы никто не будет ожидать восстания.

- Многие боо используют грибы для того, чтобы войти в транс. Обычный человек не привык к их действию, они вызывают галлюцинации и бред, а если подмешать их в кумыс, который будут пить шакалы на празднике, то можно будет захватить

преимущество, - добавила она. Ей очень хотелось игнорировать Берке, и потому Яшви обращалась к другим ханам, которые казались ей более здравомыслящими. Разговор снова заходил в тупик. Чуть только Яшви начинало казаться, что удача вот-вот повернется лицом, как она отворачивалась, пугаясь голоса Берке хаана.

- Если один шакал может предать, как вы говорите, Берке хаан, значит, это может сделать и другой? - прищурившись, переспросила Яшви, снова не чувствуя в себе силы молчать. - По вашим словам, верить шакалам никак нельзя, но сами призываете довериться их слову и заключить мир?

Она не понимала, что почему он так упрямо держится за этот брак Алахчит с шакальим сынком, и почему никак не поверит в возможность предательства шакалами. Ведь его клан тоже пострадает. Если только...Но нет, наверное нет.

- Или вы надеетесь, что шакалы пощадят кого-то из лис? - подозрительно уточнила она.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн молчал и слушал, пока говорили остальные. Он был не в том положении, чтобы перекрикивать ханов лис, он понимал, что его услышат только в тишине. Ему не нравилось, что один из ханов настаивал на том, что шакал врал, и при этом обвинял Алахчит в легковерии. У неё были причины доверять этому парню, и Сонгцэн считал, что мать в Непале будет достаточной гарантией верности.

- Вы рискуете, поверив любому из шакалов, - Сонгцэн заговорил, когда в споре возникло затишье. - Но шакалы уже не ведут себя как союзники. Что бы ни сделал Алтан, разве стал бы союзник угрожать ему смертью и требовать, чтобы Яшви заплатила собой за его жизнь? Так делает тот, кто считает себя хозяином. Союзник отвел бы Алтана за ухо к Их-Чэрэн гуаю или Алахчит и потребовал возмещения убытков, если они были. Потому что он строит отношения, а не чувствует безнаказанность. Что бы сделал любой из вас, обнаружив в своем гэре ребенка шакалов? Потребовал его сестру?

Он обвел взглядом уважаемых ханов, затем опустил глаза, дожидаясь их ответа.

Алахчит Алтан Борджигин

Яшви снова вступила в пререкания с Берке, который попросту проигнорировал ее, отвернувшись в сторону заговорившего следом принца. Алахчит уже поняла, что даже не старый Дорджсурен сейчас главный противник, и не Великий Хан, от которого этот совет собрали втайне. А тот, кто оказался сильно ближе и кто громче всех настаивал на том, что союз с шакалами им совершенно необходим. Алахчит и сама бы так думала, если бы своими ушами не услышала слова молодого шакала.

- Что бы ни сделал Алтан, по законам кочевников смертная казнь запрещена. Если его проступок был серьезным, его должны были судить всем советом, а не самосудом одного шакала, - добавила Алахчит. - Союзник бы учел интересы и законы союзного клана.

- Мы знаем все только с ваших слов, Садхир-гуай, - один из пожилых шаманов

заговорил из угла, ближнего к двери. - Все видели ваш поединок с нойоном, но все ли то, что привело к нему, было на самом деле так, как вы говорите? - он говорил спокойно и без обвинения, максимально дипломатично. Лисы были недоверчивы и осторожны, и предпочитали долго выслеживать и по возможности прятаться перед тем, как делать решающий прыжок. А у этого шамана даже черты лица были совершенно лисьи.

Толпа снова зашумела, выражая свое недовольство и обеспокоенность за мифическую сестру, о которой стоило снова подумать. Большинству из лис подобное даже в голову не могло бы прийти.

Яшви Садхир

Яшви почувствовала, как у нее от гнева задрожали руки, туго сомкнутые в ладони. В голосе пожилого шамана не было обвинительных ноток, но Яшви явственно услышала в них недоверие. Они хотели доказательств, что она не придумала все это только ради мести или еще ради чего то непонятного. Возможно, след укуса на шее, который так до сих пор и не прошел, и разбитые колени окажутся для них более показательными, чем ее слов?

- Мэргэна-боо, возможно, убедит мой подробный рассказ? - спросила Яшви, поднимаясь со своего места, потому что уже не могла просто спокойно проглотить неверие ее словам. - К дому нойнона меня привели духи, и когда я зашла внутрь, то увидела, как Бектер-нойон прижимает нож к шее моего брата. Я попросила отпустить его, Бектер-нойон сказал, что мальчик должен заплатить за то, что сделал, и назвал свою цену - или он убьет Алтана, или я соглашусь отдать ему долг сама. Я согласилась, чтобы спасти брату жизнь. Бектер-нойон оставил этот след на моей шее, - она отвела волосы назад и повернулась боком к остальным, чтобы они увидели красный след от укуса, - а затем заставил меня опуститься на колени. Хотите, чтобы ваши дочери побывали на моем месте?

Она перебросила волосы, заплетенную в косу, обратно через плечо, скрывая за воротником шею. Колени с синяками демонстрировать не стала, хотя могла бы, из дерзости.

- Спросите своих духов, что всегда следуют за вами, говорю ли я правду, если моих слов вам недостаточно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн почувствовал, что его слова действовали как спичка, брошенная в стог сена. И несмотря на то, что Яшви разозлилась и вспыхнула, он был благодарен ей за то, что она рассказала обо всем сама - он знал меньше и её не расспрашивал. Он считал достаточным доказательством того, что другого выхода у него не было, сам факт, что он вышел в бой с заведомо более сильным противником, и свою победу считал удачей, а не закономерным исходом.

- Я - принц своего клана, моя жизнь не принадлежит мне, - ответил Сонгцэн, глядя на задавшего вопрос шамана. - Я не участвую в боях, которых можно избежать.

- Да одумайтесь вы! - подал голос пожилой хан. - Если бы кобра не приехал, вы бы

проглотили то, как этот шакал собирался обойтись с Яшви-угдан? Вдруг шакалы имели в виду что-то другое? Что им нужно еще сделать, чтобы вы начали слышать и видеть? Ссать у входа в ваши гэры? Насиловать ваших жен? Поставить на колени вас? Берке хаан, что заставляет вас верить в то, что они нам союзники? Глупость или собственный интерес?

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит знала подробности случившегося с Яшви - расспросила все до последней мелочи, как бы тяжело это ни было слышать и осознавать, но сейчас снова ощутила неприятное чувство внутри, какое-то омерзение к покойному нойону, когда даже дождевой червь благороднее и воспринимается с благоговением, ибо заботится о земле и служит пропитанием многим живым существам. Нойон же был падалью, трупоедом и моральным уродом, но кто знает, если бы не он, стояли бы они сейчас этим советом, или уже давно закованные в кандалы, месили песок степей босыми ногами?

- Желание спасти ваши никчемные жизни, - желчно процедил Берке. Он заметил, как его никто больше не поддержал, даже те, что сидели подле него и на чью поддержку он считал, что может рассчитывать, молчали. - Шакалы уничтожат всех, а план кобры - фантазия мальчишки с взыгравшим героизмом.

- Садхир-джи - мой гость, Берке хаан, и я требую уважительного к нему отношения, - вмешалась Алахчит, - или вы, подобно вашим обожаемым шакалам, считаете себя выше законов гостеприимства и союза? План принца - единственный возможный способ противостоять Угэдэю. Клан лис из южного Алтая уже однажды противостоял шакалам, и нужно будет - пойдет на это снова. Пока вы трусите хвостом, поджав его под себя и лебезя перед шакалами, вы не лиса, а пес паршивый.

- Попридержи язык, подстилка для шакала, - Берке все-таки не сдержался. Со всех сторон снова загомонили, кто-то его удержал на месте. - Я управляю кланом дольше, чем ты живешь на этом свете. Союз с шакалами делает нас сильнее.

- Так вот в чем ваш секрет, Берке хаан, - глаза Алахчит торжествующее блеснули. - И как, удобно вам сидеть верхом на двух конях в одно и то же время?

Яшви Садхир

Яшви вздрогнула, она не ожидала, что кто-то так открыто ее поддержит. Но у шаманов больше не возникло вопросов, значит, она все же их убедила. И снова начало казаться, что вот сейчас, еще немного, и удача точно встанет к ним лицом. Яшви видела, что все больше и больше ханов и боо прислушиваются к словам пожилого хана и кивают. Сейчас был почти лучший момент для всеобщего голосования, но Берке снова все разрушил. Или нет, разрушил самого себя.

- Предатель! - взревел один из молодых северных ханов, но его, в отличие от Берке, никто не стал останавливать и ловить. Только отсутствие у присутствующих оружия спасло Берке, потому как молодой хан отшвырнул его к стенке гэра так, что вся конструкция покачнулась. Лишь только после этого смутьяна усадили на место и пригрозили судом. Берке выпрямился.

- Без этого союза не видать вам ваших жизней, - пообещал он, но лицо его побледнело. Он уже и сам понял, что сболтнул лишнее. Он оглянулся на дверь, прикидывая, успеет ли сбежать, чтобы добраться до шакалов и попросить у них защиты, но понял, что не успеет.

- Увести его и приставить к нему стражу, - распорядился пожилой хан, что первым поддержал Яшви, Сонгцэна и Алахчит.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн молчал, даже несмотря на прозвучавшие в его адрес оскорбления, потому что лисы уже разбирались между собой, и тот, кто поддерживал шакалов, оказался один, еще и выслушал разумные обвинения в предательстве. Сонгцэн не считал, что у него разыграл героизм. Он был магом Огня и знал, что нужно тормозить на поворотах. Он планировал неизбежный бой, единственный, который мог помочь против шакалов. Но к чему это объяснять, когда вопросы решал не он.

Предатель теперь был найден, и можно было ожидать, что дальше разговор станет более конструктивным. Сонгцэну нужно было решить вопрос с подмогой, потому что завтра Алтан повезет письмо его отцу. Воинам нужно было время, чтобы добраться до Монголии, а шакалы в любой момент могли заметить неладное. До того, как будет готово ночное нападение, нельзя дать им заподозрить, что из союзника раскрыли, что Алахчит не собирается замуж, и что лисы больше не верят обещаниям шакалов.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит с плохо скрываемым удовлетворением смотрела, как выводят из гэра Берке. Теперь вопросов стало еще больше, но хотя бы разобрались с одной из них. Алахчит подождала, пока снаружи закроют дверь, и перевела взгляд на тех, кто остался внутри.

- Теперь мы наконец можем проголосовать за или против предложение Садхир-джи, - она вернулась к прерванному разговору. - Стоит ли нам принимать помощь клана Королевских Кобр?

Проголосовали почти единогласно, не считая старого Дорджсурена, который упрямо стоял на своем, и не менее старого хана. Спрашивать, кто против, Алахчит уже не стала, это было и так понятно. Она кивнула. - Благодарю вас за это решение. Бой будет сложным, но мы сделаем все, чтобы выйти из него с честью и достоинством.

По возможности, живыми, но Алахчит понимала, что все не будет так радужно, как ей хотелось себе представлять. Она лишь надеялась, что своими руками не привела все кланы к неминуемой гибели. Она повернулась к принцу.

- Садхир-джи, мы рассчитываем на вас.

Яшви Садхир

Наконец, когда все успокоилось, Яшви смогла отпустить сомкнутые в ладони кулаки - а на коже снова остались следы-полулунки от коротких ногтей, глубоко

отпечатавшиеся на руках. Она была словно один большой комок нервов, натянутая, как струна - тронь, и тонко завибрирует, и, не выдержав напряжения, порвется с печальным стоном. И это напряжение копилось с того самого момента, как она приехала в Тариат. Еще и этот совет...Теперь, когда пришлось рассказать всем о произошедшем в доме Бектера, Яшви снова чувствовала себя так, словно извалялась в липкой, черной грязи, в чем-то зловонном, отвратительно мерзком. Снова начала болеть шея и разбитые колени.

Но это стоило того, чтобы сейчас лисы почти единогласно поддержали предложение Сонгцэна. Не отказали, наступили на свою гордость, понимая, что иначе не справятся сами. Теперь стало еще волнительнее в предвкушении скорой битвы. Которая обязательно будет, и не все вернутся из нее живыми. Но думать об этом было еще слишком рано. От нее сейчас уже ничего не зависело.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Лисы приняли то решение, которое могли их спасти или добить. Но так они избавлялись от рабства, которое для них планировали шакалы. Сонгцэну было страшно, он прекрасно понимал, что шансы не на их стороне, что сражение, которое они планировали, будет опаснее его дуэли с одним пусть и очень сильным шакалом. Противников намного больше, и даже несколько хитростей не позволят этот перевес существенно сократить. Только посеять панику и побеждать, когда больше терять нечего.

- Нам нужно использовать каждую возможность повернуть ситуацию в свою сторону. В Китае это называется увести овцу легкой рукой: когда противник заведомо сильнее, нельзя упускать ни одной мелочи. Я и мои люди сделаем все, что сможем. Я благодарю вас за доверие, - сказал Сонгцэн.

Он мог бы сказать, что готов умереть, сражаясь за лис, но он предпочел бы, сражаясь за лис, выжить.
